

АННА
ДАНИЛОВА

DA

КОМНАТА ДЛЯ ТРЕХ ДЕВУШЕК

Психологический детектив

Эффект мотылька. Детективы Анны Даниловой

Анна Данилова

Комната для трех девушек

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Данилова А. В.

Комната для трех девушек / А. В. Данилова — «Эксмо»,
2022 — (Эффект мотылька. Детективы Анны Даниловой)

ISBN 978-5-04-169447-0

Роман «Комната для трёх девушек» — это увлекательная детективная история, где под подозрением оказывается каждый персонаж. Анна Данилова умело выстраивает повествование, разбрасывает зацепки по тексту, с помощью которых самые внимательные читатели могут догадаться, что же произошло на самом деле... «Комната для трёх девушек» — это психологический детектив, который будет держать в напряжении до самых последних страниц.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-169447-0

© Данилова А. В., 2022
© Эксмо, 2022

Содержание

1	6
2	10
3	13
4	19
5	22
6	28
7	31
8	33
9	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Анна Данилова
Комната для трех девушек

© Текст. А. Дубчак, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

1

9 августа 2021 г

– Получается, что я купил вас вместе с домом?

Борис Бронников, адвокат, высокий крепкий мужчина в свитере и в джинсах, поднялся на крыльцо только что купленного им дома в сосновом бору и обнаружил сидящую на чемодане возле двери женщину неопределенного возраста. Худая и нахохлившаяся, с пестрой повязкой на голове, делающей ее похожей на попугая, с внимательными глазами, она криво усмехнулась:

– Хотите сказать, что вас предупредили обо мне?

– Ну да. Григорий так и сказал мне, что, мол, без Женечки ты не обойдешься, что она, то есть вы, просто клад!

– Так-то оно так, да только известно ли вам, сколько я стою?

– Вы?

– Ну, то есть мои услуги... – Ее бледные щеки моментально порозовели.

– Признаться, нет. Но, надеюсь, мы сговоримся.

– Думаете, со мной так легко можно о чем-то вообще договориться?

– Что-то я не понял. Вы хотите здесь остаться и продолжать работать в этом доме? – начал сердиться Борис. – Или нет?

Конечно, Григорий, его друг, у которого он и купил этот дом, предупредил его о трудном характере домработницы Жени, что к ней надо найти подход и все такое. Но не слишком ли дерзкий взгляд у этой особы? Да и рот она подозрительно кривит... Хотя, может, она просто волнуется? Все-таки Григорий проживал здесь с целым семейством, а теперь в доме поселятся двое взрослых мужиков – Борис с братом Петром. И оба тоже не подарки. Со своим норвом, привычками. Успокаивало одно – Женя, хоть и была особой женского пола по паспорту, но пока что воспринималась им лишь как помощница по хозяйству и никакого интереса как женщина не вызывала. Конечно, сейчас на ней были джинсовая куртка, под которой виднелся малинового цвета джемпер, да длинная зеленая юбка, странным образом отороченная внизу белым кружевом (дичь какая-то!). Может, если ее раздеть, то она будет и ничего...

Она смотрела на него, и глаза ее наполнялись слезами. Кажется, он спросил ее, хочет ли она остаться работать в этом доме. Повторять свой вопрос он не стал, это прозвучало бы и вовсе грубо.

– Женя...

– Меня зовут Евгения, – она вздернула подбородок, и он увидел ее шею, гладкую и молодую, подумал, что ей вообще лет двадцать пять! Или же она так хорошо сохранилась, живя в лесу на свежем воздухе.

– Хорошо, давайте с самого начала. Вы хотели бы остаться здесь, в этом доме, учитывая, что теперь хозяевами будут двое интеллигентных мужчин с очень скромными требованиями в плане быта?

– Да.

Ему показалось, что она произнесла это с трудом, или нет?

Борис достал из кармана ключи и передал ей:

– Открывайте, вы лучше знаете, как это сделать. Здесь так много замков...

Замков на самом деле было всего два, но Борису так хотелось поскорее подружиться с Евгенией, что этот жест с передачей ключей должен был как-то смягчить ее сердце, пусть она поймет, что он ей всецело доверяет.

Евгения схватила ключи и привычными быстрыми движениями открыла двери. И хотя Борис успел рассмотреть дом перед покупкой и даже выбрал себе спальню и кабинет (спален в доме было пять, а кабинетов два, один раньше занимал Григорий, а второй – его старший сын Ефим), но почему-то сейчас заходил в него словно в первый раз.

– Проходите, – бросила она через плечо, быстро двигаясь по огромному холлу в сторону застекленной и залитой солнцем гигантской гостиной, в которой, по мнению Бориса, легко можно было бы организовать зимний сад. Насколько он помнил, в доме была еще одна настоящая гостиная с камином и диванами, а еще – библиотека и множество других комнат, которые теперь, после того как оттуда съехала семья Григория, казались осиротевшими, пустыми даже при наличии мебели, ковров под ногами и занавесок.

– И вы одна убирали этот дворец? – невольно вырвалось у него. Ему, мужчине, для которого уборка всегда представлялась чем-то невообразимо сложным и трудоемким, с чем он даже в молодости справлялся с трудом, было сложно представить, как же можно поддерживать порядок в этих многочисленных комнатах, ваннах, холлах, коридорах, лестницах.

– Да, одна. Единственно, когда я обращалась за помощью к моей подруге Тоне, это мытье всех окон. Клининговую компанию я принципиально не вызывала, потому что знаю, как они работают и как после их уборки пахнет в доме. И вообще, вы сомневаетесь, что я в состоянии содержать ваш дом в чистоте? Тогда зачем же вы настаиваете на том, чтобы я работала здесь?

Теперь была его очередь усмехаться. Оказывается, он настаивает! Да уж, эта Евгения – крепкий орешек. Принимать какое-то радикальное решение сейчас, когда они были знакомы всего пять минут, было глупо. К тому же, только представив себе, как же это будет муторно заниматься поисками новой домработницы, ему становилось дурно. Нет-нет, эта особа проживала здесь не один год. Так, стоп. Но тогда сколько же ей лет? Ладно, разберемся! Итак. В доме будет чисто, а это уже хорошо. К тому же она знает этот дом как свои пять пальцев. Здесь будет чисто, тепло, все будет работать, греться, напитываться домашним уютом, если, конечно, Петр все не испортит своей неряшливостью и еще более дурным, чем у Евгении, характером.

Если Борис был адвокатом, то его младший брат Петр Бронников был, по его мнению, настоящим бездельником и шалопаем. И это просто чудо какое-то, вселенская невероятность, что он, легко и весело занимаясь какой-то очень странной благотворительностью, сколотил себе целое состояние, причем настолько оно было велико, что ему, сорокатрехлетнему мужчине, можно было вообще расслабиться, не работать и жить только на дивиденды.

Один раз он попытался играть на бирже и чуть было все не спустил, но вовремя остановился и вложил деньги в какую-то американскую компанию. Да и вообще, дело прошлое, Борис взял с него слово, что он больше никогда не сунет нос в биржевые таблицы, и, начиная с этого (а этот поворотный момент в жизни младшего брата случился полгода тому назад, когда они как раз вернулись из Парижа), Петя принялся примеривать на себя все виды деятельности взрослого человека, которые казались ему привлекательными. Так, на сегодняшний день, причем день весьма знаменательный, потому как братья решили начать новую жизнь и поменять не только свою городскую квартиру на «лесной дом» под Подольском, но и образ жизни, замедлив ее темп, Петр возомнил себя писателем и теперь, не показывая брату ни строчки своего нового романа, что-то там строчил вот уже целую неделю.

Бродя по новому дому, уже успевшему захлестнуться коробками и чемоданами, корзинами и мешками, Борис с ужасом представлял себе, что же будет, когда сюда приедет Петя и как он

будет здесь себя вести. Как в гостиной пропишется большой поднос с остатками еды и грязной посудой, как в спальне повсюду будут разбросаны его штаны, рубашки, пижамы и носки...

Когда-то они оба были женаты, но ничего хорошего эти браки ни одному из братьев не дали. Разве что им пришлось поделиться с бывшими женами деньгами и имуществом. Детей они тоже не нажили, во всем, что происходило с ними плохого, всегда винили своих жен. Вот поэтому, решив немного отпустить ситуацию и позабыть о существовании в обществе брака в принципе, они вздохнули с облегчением, когда поняли, что можно спокойно жить и без жен. Причем жить так, как им вздумается, свободно. Никаких особых условий для совместного проживания они себе не придумывали, просто решили, что жить вместе как-то веселее, приятнее, а если кому-то из братьев вздумается привести в дом женщину, так что ж, будет по меньшей мере забавно.

– Вы на самом деле родные братья, как сказал мне Григорий Яковлевич, или же... как бы это помягче выразиться... близкие друзья?

Она задала этот вопрос Борису прямо в лоб. Она и встала-то близко к нему, почти вплотную, вероятно, чтобы заглянуть ему не только в глаза, но и в душу. Он уловил исходящий от нее цитрусовый запах, словно она маленькими ручонками только что давила сок из апельсина. Должно быть, предположил Борис, она подушилась дорогими духами, доставшимися ей в подарок от бывшей хозяйки, жены Григория, Марты. Ну не может так приятно и дорого пахнуть дешевый парфюм. Хотя, если Григорий платил ей столько, сколько он и озвучил братьям, то она, живя в этом шикарном доме, причем на всем готовом, может позволить себе покупать хоть ведро таких духов каждый месяц.

– Братья.

Он, кашлянув в кулак, отошел от нее подальше и продолжил исследование дома. У него уже был опыт общения с домработницами, но все они очень уж сильно отличались от Евгении. Тихие и незаметные, они даже двигаться старались бесшумно и выполняли беспрекословно все поручения своих хозяев. Эта же мадам обещала быть хамкой. Как-то так.

– Евгения...

– Ладно, раз вы братья, то можете называть меня Женей, – вдруг смягчилась она, к его великому удивлению. – Ну, говорите, что нужно делать. Хотя я и без того знаю – разобрать все коробки, посоветоваться с вами, куда и что раскладывать, я имею в виду книги, документы. Вы уже определились со спальней?

– Все коробки с буквой «Б» – это мои вещи, как вы можете догадаться, а...

– ...«П», стало быть, вещи вашего брата, Петра Михайловича.

– Точно! Пойдемте, я покажу вам, какую спальню и кабинет выбрал себе я...

Спустя время Борис звонил Петру и кричал в трубку:

– Слушай, я тебе сейчас такое скажу! Эта Евгения, прикинь, будет зарабатывать в месяц сотню тысяч рублей, и при этом она совершенно не умеет готовить!!! Я попросил ее просто заварить чай и приготовить бутерброды, знаешь, что она мне сказала?

– Что?

– Она, прикинь, заявила мне, что готовить она не нанималась!

– И что, ты ее прогнал?

– Нет. Подожду, когда ты приедешь, вот вместе все и решим.

– Она хоть красивая?

– Настоящий крокодил!

– Вот и отлично! – воскликнул обрадованно Петр.

– Ты что, брат, спятил?

– Во всяком случае, она не будет отвлекать меня от моего романа. Ты погоди, не горячись... Держал же ее Григорий, значит, было за какие качества ее ценить. Может, она человек хороший.

– Говорю же – крокодил, того и гляди сожрет!

2

11 августа 2021 г

Уложив в мешки старый кафель и прочий строительный мусор, Павел Смолкин погрузил все в багажник старенького «Москвича», которым пользовался только по работе. Он был строителем-одиночкой, зарабатывающим на ремонте квартир и домов. Умел штукатурить, класть плитку, красить, клеить обои, укладывать ламинат и линолеум. Заказов было всегда много, потому что брал он за работу недорого, а работал быстро и аккуратно. Дом, в котором он сейчас работал, ремонтируя ванную комнату и коридор, находился в Водыкино. Наниматели – пенсионеры, приятные в общении люди, пока он работал, кормили его простой и вкусной едой, позволяли пользоваться душем и даже выделили ему для отдыха маленький диванчик на веранде. И искренне радовались, что ремонт идет быстро и что все получается именно так, как они и хотели. Работы оставалось на пару дней: все подчистить, заделать швы, прибраться. Вот сегодня, к примеру, Павлу предстояло вывезти мусор. Понимая, что мешков много и что невозможно вывалить все это в небольшой металлический бак возле дома, он решил отвезти мешки на пустырь.

– На пустырь повезешь? – словно прочитав его мысли, спросил Александр Васильевич, наниматель, когда Павел с силой захлопнул багажник и собирался уже сесть за руль.

– Ну да... А что, нельзя?

– Да не в том дело, Паша. Это же непростой пустырь. Там раньше больница была. Ее собираются снести, и вот на этом месте стали происходить нехорошие дела...

– В смысле?

– Да там люди пропадают. И животные тоже. А сколько раз там находили трупы. Гиблое это место, вот что я тебе скажу. Может, на городскую свалку мусор свезешь, это далековато, но я подкину тебе денег на бензин?

– Ох... Я думал, что все дело в полиции, ну, что там видеорекамеры установлены... что нельзя мусор кидать. А вы про какие-то бермудские дела на пустыре. Не верю я в эти байки.

– Говорю же тебе, не байки все это. Там, в больнице, подвалы сохранились, так вот там сатанисты устраивали оргии, людей в жертву приносили... Проклятое это место!

– Говорю же, не боюсь я всего этого и не верю... А люди горазды придумывать разные страшилки. Ладно, Александр Васильевич, поехал я. Вернусь, продолжу прибираться в ванной комнате. Да и потолок покрашу, если так и не решились на зеркальный.

Однако, отъехав подальше от дома, он остановился на обочине, достал телефон и начал искать информацию о пустыре. Первый же сайт, который он нашел про Водыкинскую больницу, вызвал усмешку:

«Больница эта – край чудес, зашел в нее и там исчез», – гласила самая популярная из всех «наскальных» надписей в недострое. Эти строки неизвестного автора стали своеобразным слоганом ХЗБ и были воспроизведены в нескольких помещениях больницы. Народная молва гласит, что в здании погибли или бесследно исчезли сотни и едва ли не тысячи человек.

Но на самом деле ХЗБ ничем не выделяется на фоне других аналогичных недостроев, оставшихся на просторах бывшего СССР. За последние пятнадцать лет СМИ сообщали о четырех смертельных случаях в больнице. Один подросток покончил с собой (созданный его друзьями мемориал со временем стал одной из достопримечательностей здания), остальные стали жертвами несчастных случаев. Сквозные шахты лифтов, дыры в полу и разбросанная арматура представляли главную опасность для «туристов».

Павел достал сигарету и закурил. Понятное дело, что такие гиблые места всегда привлекали разных уродов, наркоманов и сатанистов. Да только они же и распускают все эти слухи, делают они это для того, чтобы нормальные люди туда не совались, чтобы не тревожили их, пока они будут заниматься всякой чертовщиной. Людей вообще привлекает все странное, страшноватое. Недаром же многие толпятся на похоронах, лишь бы поглазеть на покойников. Вот как это можно объяснить?

Картинки, которые всплыли на тему заброшенной Водыкинской больницы, были самые жуткие: какие-то темные люди, похожие на призраков, застывшие на голых лестничных пролетах, разрисованные странными надписями обшарпанные стены, засыпанные мусором захлапанные углы помещений.

Павел загасил сигарету и поехал. Ни страшные картинки, ни информация, которая сочилась со страниц интернета, его все равно не убедили в том, что ему надо опасаться ехать на пустырь. Он просто подъедет, свалит мешки и укатит. Все! Зато экономит время и бензин. К тому же он не из пугливых. И все знакомые не считают его трусом. А когда-нибудь, при случае, он сам расскажет о том, что побывал на пустыре Водыкинской больницы и что ничего страшного в этом нет. Он был уверен, что никто из его друзей-приятелей, услышав это, даже не обратит внимание. К тому же сам Павел проживал в Москве, довольно далеко от этого места, и ни разу ничего об этой заброшенной больнице не слышал.

Однако всю дорогу до пустыря он словно видел перед собой расплывчатое черно-белое изображение больницы, вид сверху, и будто написанные детской рукой поверх снимка неровные буквы: «Я исчезну – ты не заметишь».

Как он и предполагал, к самой больнице он бы и без того не приблизился – все вокруг поросло густым жестким бурьяном. Узкая тропинка вела к ржавой решетке с грязной табличкой: «Проход запрещен». И тут же еще одна бумажка, прилепленная к прутьям решетки скотчем: «Объект охраняется сторожевыми собаками».

Ну да, конечно, так все и поверили, что где-то там, внутри этого заброшенного больничного ада, попивают чаек сторожа со сворой сторожевых собак, которых надо кормить... Глупости все это!

Павел вышел из машины, открыл багажник и принялся вытаскивать тяжелые мешки и сваливать их прямо в бурьян. Он торопился, но не потому, что боялся каких-то там несуществующих собак или призраков, готовых просочиться сквозь ржавые прутья решетки, нет, он, как здравомыслящий человек, боялся, что его заметят полицейские и оштрафуют на крупную сумму за то, что выбрасывает мусор в неположенном месте. Он вообще боялся полицию, и это его чувство страха перед представителями закона было выработано им исключительно по вине сериалов про ментов.

А еще он, в общем-то, нормальный и в меру мужественный человек, вдруг понял, что руки его дрожат. Даже если бы его окружило пятеро крепких пацанов-отморозков, он не испугался бы и разметал их по пустырю. Он умел драться, знал, как отбиваться. Но здесь он был совершенно один, и ему ничего как будто бы не угрожало, тогда откуда вдруг эта дрожь и липкий пот, катящийся по лицу, который он не успевал вытирать рукавом рубашки?

Когда последний мешок был свален в траву и Павел захлопнул багажник, страх ледяной волной окатил его с макушки до самых пяток. Что происходит? Он никак не мог понять.

Сел в машину и двинулся в сторону дороги. Боковым зрением он успел увидеть в траве, среди тополиной густой поросли, темно-красное пятно. Ему бы проехать мимо, да не мог он. Словно кто-то руководил его действиями, направлял. Он остановил машину, вышел и пошел на это пятно. Зубы его стучали. Вот уж точно чертовщина! Никого же нет! Откуда вдруг эта лихорадка, тряска? Нет, пожалуй, он никому и никогда не расскажет про то, как навестил развалины Водыкинской больницы. Вот уедет сейчас, и все!

Но ноги сами привели его к тому месту, к которому его тянуло как магнитом. И когда он приблизился, то понял, что жизнь его с этого момента изменится. Навсегда.

На небольшой примятой площадке между торчащими острыми ножами поросли лежали две девушки. Это было похоже на картинку из какого-нибудь криминального фильма послевоенного времени – на девушках была очень странная одежда и обувь. На одной девушке – малиновый суконный жакет с нелепой брошкой на лацкане и длинная юбка из черного потертого бархата, еще черные кожаные полусапожки на каблучке. Под жакетом виднелась белая блузка, перепачканная красной губной помадой. Другая девушка была одета в длинное зеленоватое платье в мелкую крапинку с белым кружевным воротником. И на ногах такие же сапожки. Обе девушки были светловолосые, ярко накрашены. Да только мертвые...

Павел и сам не понял, как перекрестился.

3

9 августа 2021 г

– Вот смотрите, Женечка... Берете чистый заварочный чайник, ополаскиваете его кипятком, потом насыпаете в него...

– Вы что, думаете, что я не могу заварить чай? Уж это-то я смогу.

– А что с бутербродами не так? Нарезаете колбасу, хлеб...

Дело происходило на кухне. Петр в домашнем халате, изображая из себя писателя (потому как Борис видел брата в халате впервые в своей жизни!), терпеливо и даже как-то ласково учил домработницу Евгению готовить чай с бутербродами.

И, странное дело, она слушала его, не огрызаясь и не кривляясь, как это было с Борисом.

На ней была все та же странная одежда – джемпер и юбка с кружевной оборкой, что делало ее похожей скорее на представительницу богемы, художницу или поэтессу, но никак не помощницу по хозяйству.

За окном наливались фиолетовые сумерки, а в доме повсюду ярко горели разного рода светильники, лампы, люстры. Из-за этого все вокруг было не таким уж и безрадостным.

Неразобранные коробки продолжали портить вид, и тот факт, что Евгения к ним так и не притронулась, говорило лишь об одном: она еще не приняла решение, останется ли здесь или нет.

Приезд Петра она поначалу восприняла настороженно, сдержанно поздоровалась с ним, а когда он улыбнулся ей и сделал комплимент («Боже, кто эта чудесная девушка?!»), то Борис заметил, как глаза ее заблестели, на лице появилось подобие улыбки.

– Борис, тебе не кажется, что этот дом слишком велик для нас? Похоже, по этому холлу можно кататься на велосипеде. Женечка, вы составите мне компанию?

Она ему ничего не ответила, но продолжила следить за ним, щуря длинные, опущенные густыми ресницами, темные глаза. Голову домработницы по-прежнему уродовала пестрая шелковая повязка, вероятно, косынка или шарф, из-под которой выглядывали медного оттенка кудри.

– Друзья мои, – Петр решил взять ситуацию в свои руки и заговорил миролюбивым тоном, жестами подзывая брата и Евгению поближе к себе. – Поскольку нам здесь предстоит жить втроем и Женечка нас совершенно не знает, а потому напряглась, я это вижу, предлагаю нам всем выпить коньячку и немного расслабиться. И тогда наша маленькая фея увидит, что мы не такие уж и страшные. Она поймет, что я – писатель, человек творческий и неординарный, что мне, пока я пишу роман, нужно постоянно варить кофе и делать бутерброды. А мой брат Борис – человек совершенно другого склада, более серьезный и трезвомыслящий, он адвокат, этим все сказано. Однако Женя должна знать и понимать, почему мы переехали из Москвы сюда, в этот дом...

– Петр! Ты чего такое несешь? Переехали и переехали! – раздраженно воскликнул Борис, не понимая, с чего бы это Петя начал так расшаркиваться перед этой особой. Не хочет она здесь работать? Пусть убирается! Где это видано, чтобы домработница не умела готовить?! Вот уж действительно интересно, за какие такие таланты Григорий держал ее здесь и платил такие большие деньги? Вряд ли она была его любовницей, она вообще не может привлечь мужчину. Но тогда что? В чем дело?

– Да мне нет никакого дела до того, почему вы здесь. Мое дело – содержать дом в чистоте и порядке. Что же касается готовки, то я, конечно, готовила, но у меня как-то не очень получалось... Я вообще много чего умею, вожу машину, к примеру. Могу связать свитер или починить

машину, расписать стену (кстати говоря, в холле все стены расписаны мной). Могу вышить вензеля на салфетках, вырастить помидоры или розы, составить шикарный букет, расписать цветочные горшки, сделать укол в вену, отчистить ковер от пролитого кетчупа или жира... Я талантливая во всем... кроме кулинарии. Я предупредила. Так что сами смотрите, нужна я вам или нет? Я умею выбирать хорошее мясо или овощи. Вообще разбираюсь в продуктах. У меня в комнате на третьем этаже есть целая полка книг по кулинарии, но что бы я ни приготовила, у меня как-то все получается невкусно... Это честно.

– Зато мой брат готовит шикарно, – не выдержав, с сарказмом произнес Борис. – Так что вы с ним сами и договаривайтесь!

Он и сам не мог понять, из-за чего так раздражен. Возможно, потому что пока не мог привыкнуть к присутствию рядом с собой совершенно чужого человека? Но привыкал же он в свое время к жене, которую едва знал (поженились спустя неделю после знакомства), к домработнице Соне, к собаке, которую купила, не посоветовавшись с ним, жена.

– А мы и договоримся! Я вообще очень люблю готовить. Но вот именно сейчас, этот месяц и следующий, я буду сильно занят. Я же говорил, что пишу роман. Так что, друзья мои, давайте уже все как-то успокоимся, выпьем, и каждый займется своим делом!

С этими словами Петр куда-то удалился, вероятно, в свой кабинет, расположенный в правом крыле дома на первом этаже, потому что вернулся довольно быстро, неся в руках бутылку виски.

Евгения моментально накрыла на стол, расставила пластиковые стаканчики, одноразовые тарелки, куда наложила дольки апельсинов и аккуратно нарезанный сыр.

– Ну, слава тебе, господи, сыр умеете резать! – хлопнул в ладоши Борис.

– Женечка, не обращайтесь на него внимания, просто у него тяжелый характер, это, во-первых, во-вторых, он не успокоится, пока вы не разберете все эти коробки, ящики и пакеты... Мой брат считает, что порядка в голове не будет до тех пор, пока вокруг все не будет разложено по полочкам.

Петр открыл бутылку и разлил виски по стаканчикам.

– Так вы согласны работать здесь? – спросил Борис, любящий во всем определенность. – Или теперь каждый раз будете твердить нам, что не умеете готовить и все такое?

– Ладно, по рукам. – Женя выпила виски и пожала руки обоим братьям. – Я остаюсь.

– Ну, слава тебе, господи! – воскликнул Борис. – Но как быть, я хочу есть! И что же нам теперь делать?

– Подождать хотя бы час, – сказала Евгения, встав из-за стола и метнувшись к холодильнику. – Если были бы продукты, то я могла хотя бы сварить яйца или сосиски. Еще пельмени у меня получаются довольно сносно! Но поскольку я только что приступила к своим обязанностям, то сейчас закажу еду в ресторане. Вы не против? Это очень хороший ресторан, называется «Красный бархат», там хорошо готовят. Я VIP-клиент, у меня скидки. Так что открывайте сайт ресторана, изучайте меню и заказывайте!

Борис, недовольно хмыкнув, погрузился в телефон и заказал салат и курицу, Петр – пирог с мясом и два салата. Пока ждали заказ, Женя принялась таскать коробки, разбирать их, хлопая дверцами шкафов: ее как будто можно было увидеть практически одновременно в разных местах дома.

– Более несуразную дамочку я еще не видел, – поделился с братом впечатлениями от новой домработницы Борис. – Мало того, что она не готовит, так еще и выглядит как чучело.

– Боря, а как еще, по-твоему, должна была выглядеть молодая особа, которая собиралась работать в доме, где проживают двое мужчин? Я имею в виду, как должна выглядеть женщина, чтобы не понравиться своим работодателям? Она же нас совершенно не знает! Может быть,

она когда-то обожглась, и вот теперь просто вынуждена скрывать свои прелести... Ты сам-то слышал себя? Вот что ты сделал, чтобы расположить ее к себе?

– Да мне только и остается, как думать о том, как расположить к себе прислугу! Ладно, оставим этот разговор. Что мы имеем на сегодня? Домработницу, которая пока что умеет носиться по лестнице и заказывать еду в ресторане. Это все!

– Попроси, может, она свяжет тебе свитер или соберет букет...

Братья сидели за столом и приканчивали бутылку виски, когда раздался звонок в дверь, пришел посыльный из ресторана.

Петр расплатился, а Евгения, бросив на ходу: «Эх, черт, ни скатерти у этих господ нет, ни посуды!», принялась накрывать стол. Все с теми же одноразовыми тарелками и приборами.

Уминая теплый мясной пирог, Петр даже урчал от удовольствия. Борис, раскиснув после виски, вяло поедал салат.

– А что же это вы себе, Женечка, ничего не заказали? – вдруг встрепенулся Петр.

– Заказала. Я гречку заказала и салат из капусты. Но я ем в маленькой комнате за кухней. Я уже привыкла.

С этими словами Женя исчезла.

Злясь на себя за то, что они с Петром не догадались привезти из своих городских квартир постельное белье, полотенца и посуду, Борис улегся спать на застеленной чужими покрывалами и пледами кровати. К тому же на чужой подушке, которая показалась ему слишком мягкой. Голова утопала в ней, как в невесомом облаке. Интересно, думал он, пытаясь уснуть, кто спал на этой кровати? Жена Гриши или сам Гриша? Не могли уж купить себе нормальные плотные подушки!

В какой-то момент он понял, что надо действовать, достал телефон, открыл в нем записную книжку и сделал необходимые пометки: что привезти из дома.

И только после этого, успокаивая себя тем, что завтра их быт будет налажен, что он, так и быть, попросит Евгению купить белье и посуду, он заснул. Но проснулся глубокой ночью и понял, что разбудили его голоса где-то в доме. Он встал и, не зажигая света, вышел из спальни. В холле горел приглушенный дежурный светильник. Голоса доносились со стороны кухни и принадлежали они двум женщинам, одна из которых была Евгения.

Искушение послушать, о чем она может с кем-то разговаривать, а темой для разговора наверняка стали ее новые работодатели, Борис, приблизившись к дверям кухни на максимально безопасное расстояние, замер, обратившись в слух.

– ...два старых алкоголика, сбежавших из Москвы по неизвестным пока еще мне причинам, – услышал он знакомый голос и сжал кулаки. Уволю ее утром, немедленно! – Один, его зовут Борис, сразу возненавидел меня и, возможно, уже утром уволит меня. Второй еще более-менее, я бы даже назвала его милым, но он врет, говоря, что писатель. Я пробила его в интернете. Он известный меценат, очень богатый человек, в прошлом известный светский тусовщик, бабник, но чем конкретно занимался и как нажил свое богатство, я так и не поняла. В последнее время о нем как-то подзабыли. Предполагаю, что их желание бросить Москву, свои шикарные квартиры и перебраться в Подольск, сюда, в лес, связано с криминалом. Думаю, этот Борис (кстати говоря, он не соврал, когда сказал, что адвокат) вляпался в какое-то нехорошее дело, может, защитил кого-то, кого не следовало защищать...

– Хочешь сказать, что человек может сбежать сюда от проблем? Нет-нет, Женя, это просто твои домыслы. Ты всегда во всем видишь криминал.

Этот голос принадлежал женщине с более грубым голосом. Кто она такая и почему притащилась в их дом в три часа ночи?

– Если бы этому адвокату грозила реальная опасность от своего клиента или полиции, прокуратуры, то он сбежал бы за границу, а не сюда. Я предполагаю, что они сбежали от жен или любовниц. Что все дело именно в их личной жизни. Но тебя-то это почему волнует? Ты же просто домработница. Прибирайся здесь, получай денежки и живи спокойно. Ты сказала им, что не умеешь готовить?

– Сказала. Была уверена, что меня не возьмут. Но почему-то согласились есть ресторанную еду. Может, просто еще не разобрались, что к чему? И в ближайшем будущем подыщут мне замену?

– А тебе что, так трудно научиться готовить? Я сколько раз предлагала тебе помочь! Уж базовые-то блюда могла бы и освоить. Ты же умная, у тебя не голова, а дом советов! Женька!

– У меня не получается. Я же сто раз принималась готовить, причем самые простые вещи. Может, мне терпения не хватает? И никак не пойму, к примеру, в какой последовательности запускать в бульон капусту или картошку... Как эту поджарку делать. Короче, пока что за те пять лет, что я проработала в этом доме, я перевела тонну продуктов, а в результате добилась лишь единственный раз не сжечь яичницу. Мне проще вскопать грядки или перемыть все окна в доме, чем почистить картошку... Тоня, все, хватит о готовке. Настроение и без того на нуле. Я не уверена, что меня завтра не уволят. Ты знаешь, я люблю во всем определенность, а тут – полная неразбериха.

– А твои новые хозяева знают, что ты родственница Марты?

– Зачем? Они сразу поймут, что Гриша платил мне так щедро по-родственному, терпел меня из-за жены. Если бы не это обстоятельство, разве он согласился бы, чтобы я работала у них?

– Тогда, если эти двое не уволят тебя и согласятся платить по сто тысяч, считай, что ты вытянула счастливый билет!

– Это да. Слушай, как хорошо, что ты пришла! Виски уже закончилось, эти мои алкоголики все выпили, но у меня есть клубничный ликер. Где-то пачка печенья была... Что это мы все пустой чай пьем?

– Женя, ты хотя бы знаешь, который час?

– Нет... Я же коробки разбирала, потом в ванной комнате прибралась... Закружилась. Представляешь, эти господа не догадались привезти полотенца! Хорошо, что в буфете на кухне я нашла два кухонных... Не знаю, как они ими вытирались.

– Сейчас четвертый час...

Возникла пауза. Обе женщины затихли. Одна замолчала, вероятно, наслаждалась произведенным эффектом, другая, растерявшись и не веря своим ушам.

– Тоня, но ты же приехала ко мне всего полчаса тому назад... Что случилось?

– Наконец-то!

– Умер кто? Заболел? Тебе нужна моя помощь? Да что случилось-то?! Я тут тебе разные глупости рассказываю про себя, а ты прикатила ко мне под утро, а я даже не поинтересовалась...

– Да ладно, расслабься. Со мной и моей семьей все в порядке. Все живы и здоровы. Тут в другом дело... Помнишь тот старый барак возле железной дороги, который должны снести?

– Ну как же, конечно, помню. И что с ним? Сгорел?

– Женя, типун тебе на язык! Он стоит пока что. Но у меня там две комнаты, которые я в последние годы уже никому и не сдаю, потому что они в ужасном состоянии, и боюсь, что там в скором времени поселятся бомжи.

– Ты же говорила, что соседи присматривают за квартирой.

– Повторяю, у меня там не целая квартира, а только две комнаты, это же была коммуналка с тремя комнатами, одну я выкупила, теперь две, осталось выкупить третью, вот этим

вопросом я как раз сейчас и занимаюсь. Как вся квартира станет моей, а барак снесут, будет шанс получить квартиру в новостройке, в «Кленовых аллеях»...

– Ну да, ты говорила. И что? Не можешь найти собственников этой комнаты?

– Да дело не в этом... Мне соседка по бараку, Вика Фомина, сегодня вечером позвонила. Она хоть и пьет страшно, запойная и все такое, но еще не все мозги пропила. Она звонит мне очень редко, последний раз вообще года два тому назад, когда ей срочно понадобились деньги, причем небольшие и не для себя... Ладно, я снова не о том.

– Тоня, ты пугаешь меня.

– Она позвонила и сказала, что из моей квартиры доносился шум. Сильный шум. Что надо бы проверить, что там такое случилось.

– Но квартира же пустая? Ты же только что сказала, что никому ее не сдаешь!

– Никому, кроме двух девушек. Там странная такая история. И длится все это уже шестнадцать лет. Каждый год в течение этого времени они звонят мне, а иногда, когда у меня меняется номер телефона, приезжают ко мне на Бородинский бульвар и снимают на два дня, девятое и десятое августа, одну и ту же комнату.

– Зачем?

– Думаю, у них с этой комнатой что-то связано. Они сестры. Симпатичные такие, прилично одетые. Приезжают не с пустыми руками, с продуктами. Я как-то заехала туда как раз девятого августа, примерно в обед, у меня просто дела были поблизости, я как раз встречалась с хозяином третьей комнаты, собиралась поговорить с ним о продаже комнаты. Так вот, поднялась в квартиру, позвонила, вернее, постучала, потому что звонок уже давно не работает, его с мясом кто-то вырвал... Дверь открыла одна из девушек, ее зовут Вероника. Я зашла, чтобы попросить их, когда они уедут, хорошенько проверить газ и свет. Она меня, понятное дело, не пригласила, но я увидела за ее спиной комнату, накрытый стол, а за столом справа ее сестра Катя. А вот слева стоял третий стул, и на нем, представляешь себе, сидела кукла. Такая большая кукла...

– Кукла?

– Да. Понимаешь? То есть сестер было две, а стол был накрыт на троих.

– И? – в нетерпении воскликнула Женя. – Не тяни!

– Сегодня десятое августа. То есть вчера они туда приехали и вечером оттуда раздались какие-то крики, шум... Вот Вика мне и позвонила. Я приехала туда, а там никого уже нет. В комнате бардак. Скатерть со стола сорвана, причем она вся красная от пролитого вина, тарелки и закуски на полу, рядом валяется кукла... Такое страшное, я тебе скажу, зрелище! Но главное – на полу следы крови, как будто бы по полу кого-то тащили... Прямо как в ужастике каком-то. Вот я теперь и переживаю. Вдруг это были сатанисты какие-то? Пришли, убили девчонок, выволокли из комнаты... А комната-то моя!

– Ты там к чему-нибудь прикасалась? – строгим тоном спросила Евгения.

– Я же не дура какая. Нет, конечно.

– Ну ты даешь, подруга! Так вляпаться! И зачем ты только сдавала им комнату? Разве не понимала, что все это какая-то бесовщина? Да я, когда бы только куклу за столом увидела, сразу бы поняла, что они занимаются черной магией. Ты фамилии этих девчонок-то знаешь?

– Конечно, знаю. Супонины. Катя и Вероника Супонины. Понимаешь, когда раньше я после их визитов приходила в квартиру, то комната была чистая, все убрано. Посуда вымыта. Кстати, белая скатерть, та, что сейчас там валяется на полу, залитая вином, не моя. Они с собой, значит, скатерть привозили, продукты, вино, водочку. Только тарелки мои и салатницы с рюмками использовали. Ну и постельное белье я им оставляла, они же ночевали там.

– А они не объясняли, зачем им эта комната?

– Сказали, что это семейное дело. А я особо и не расспрашивала. Они платили мне пять тысяч за два дня, и я как-то уж привыкла, что на все эти деньги всегда покупала мясо. Полу-

чала деньги и сразу же отправлялась на рынок. Я и позавчера так сделала, как только они мне перевели деньги, сразу же пошла на рынок.

– А ты их видела?

– Нет! Они знают, где ключи, в условленном месте в подъезде, в стене за трубой. Они звонят мне, переводят деньги? и все! Дело-то обычное!

– И что теперь будешь делать? Позвонишь в полицию?

– Не знаю...

– Ни в коем случае! – рявкнул Борис, появившись на пороге кухни.

Евгения в ужасе закричала, а ее приятельница Тоня от неожиданности выронила пластиковый стаканчик с чаем.

4

11 августа 2021 г

– Ты что-то припозднился, мил человек, – сказал Александр Васильевич, открывая дверь своему мастеру Павлу. – Уж ночь на дворе. С машиной что случилось? Или в другое измерение попал?

Старик усмехнулся, поглаживая усы.

– Не знаю, о чем вы... И что это за измерение такое? У меня машина сломалась, пришлось ремонтировать прямо на дороге. Потом женщину одну беременную подвозил.

Павел врал так, что и сам уже было поверил в существование беременной женщины. Подобная история с ним случилась лет пять тому назад, когда в снегопад он подвозил роженицу в больницу, она чуть было не родила в его машине. Но почему бы не воспользоваться этой историей и сейчас, чтобы не рассказывать всю правду о том, как он в густом бурьяне Водыкинской больницы нашел двух девушек, выпавших из времени и пространства?

Жена Павла, Марина, всю прошлую зиму смотрела сериал про девушку, которая попала в старинную Шотландию. Он даже вспомнил название сериала – «Чужестранка». Сюжет поначалу захватил только жену, но потом, как-то само собой получилось, на него подсел и сам Павел. Возвращаясь с работы, уставший, после душа и плотного ужина, он ложился на диван рядом с женой, которая смотрела телевизор, и с закрытыми глазами слушал сериал. У него картины крутились в голове сами, он словно смотрел свой собственный сериал в полусне. Конечно, принять тот факт, что люди могут перемещаться во времени, было трудно, даже невозможно. Но, с другой стороны, рассуждал Павел, уложив полумертвых девушек на заднее сиденье и направившись в больницу, расположенную в семи минутах езды от Водыкино, с ним же сейчас происходит то же самое. Эти девушки, из плоти и крови, но крепко спящие или же находящиеся в бессознательном состоянии, прибыли сюда из прошлого. Об этом говорит все – и замысловатые прически, хоть девушки были растрепаны, и одежда, какую носили женщины после войны, ботинки на шнуровках. Вот каким ветром из занесло сюда? Явно эти колдуньи или сатанисты наколдовали, вызвали их из прошлого, встряхнули как следует время, открыли в глубоких подвалах больницы портал...

Про порталы Павел знал из компьютерных игр, которыми увлекался в свое время, когда у него не было работы и он целыми сутками сидел за компьютером. Перемещаться из одного портала в другой было интересно, аж дух захватывало. Но все же это была игра. А что сейчас? Расскажи он, что с ним случилось на пустыре, его сочтут либо лгуном, либо патологическим фантазером, либо просто покрутят пальцем у виска, мол, чокнулся мужик.

Поначалу, увидев девушек, он так испугался, что словно окаменел. Он не мог повернуться, не мог даже ничего говорить. Просто стоял и смотрел на этих покойниц, тела которых располагались буквой «х», то есть их ноги были перекрещены, лежали одни на других, а верхняя часть туловища и головы расходились в разные стороны. Случайно ли так вышло или же таким образом девушки, еще живые, должны были улечься, чтобы их ветром сдуло из одного мира в другой, из одного временного пространства в другое?

Он не боялся покойников, но вот эти девчонки жути навели. Оставлять их здесь, на пустыре, было нельзя. Не по-людски это. Да и с научной точки зрения девушки представляли большой интерес. Поэтому, приняв девушек за покойниц, он первым делом вызвал бы полицию, рассказал бы, при каких обстоятельствах их нашел. Он был уверен, что полицейские, услышав его рассказ и увидев чудных покойниц, и не вспомнят о том, что делал он сам на пустыре, не оштрафуют за то, что выбросил там мешки с битым кафелем.

Но когда он приблизился к ним, склонился, чтобы пощупать пульс, то вздохнул с облегчением – они обе были живы.

Дрожащими руками он поднял сначала одну и понес к машине, уложил на заднее сиденье, потом вернулся за второй, положил ее валетом по отношению к сестре. То, что девушки были сестрами, он понял сразу, как только поближе рассмотрел их лица. Симпатичные, светловолосые, молоденькие, стройные. Их лица были сильно напудрены, а яркая красная губная помада размазалась вокруг губ.

Промелькнула мысль, что их могли изнасиловать, но уж больно аккуратно выглядела одежда, а задирать юбки он бы не посмел, чтобы хотя бы осмотреть нижнее белье. Нет, все было чистым, опрятным и даже выглаженным. Но когда нес девушек, понял, что ботинки обуты на голые ноги, ни чулок, ни колготок. Если бы он понял, что на них современные эластичные колготки, он сразу успокоился бы. Мало ли кто из современных модельеров-дизайнеров одежды не придумал новую моду на основе послевоенных моделей, уж как-то эти наряды можно было бы объяснить. Но ни одного признака того, что девушки современные, реальные, ни одной детали одежды или аксессуаров, которые свидетельствовали о том, что они из настоящего времени, он так и не нашел.

Он привез их в больницу, пока вез, думал только об одном – чтобы довезти их живыми.

Припарковался у входа в клинический центр (это было самое близкое к Водыкине медицинское учреждение), вышел из машины, вошел и бросился к первому попавшемуся человеку в белом халате. К счастью, им оказался врач. Павел сообщил ему, что нашел девушек на пустыре и что они, к счастью, живы...

И тут началось. Забегали, забрали и уложили девушек на носилки и увезли куда-то, показали вдоль белоснежного коридора... Очень быстро появился полицейский, затем приехал следователь. Им предоставили маленький кабинет, где следователь Валентин Михайлович Ромих (Павел на всю жизнь запомнил его странную фамилию) расспрашивал его об обстоятельствах дела: как он оказался на пустыре, в каком положении находились девушки, может ли он показать это место.

Конечно, он мог! И тогда они отправились на пустырь уже вместе с Ромихом и в сопровождении полицейского. Но, оказавшись на пустыре, не сразу пошли к месту, а дождались, как Павел понял позже, экспертов. Приехала машина, оттуда вышел человек с чемоданчиком, за ним появился фотограф.

– Вот здесь я их и нашел. – Павел показал точное место, небольшую вытоптанную полянку с примятой травой и торчащими вокруг сухими грубыми стеблями чертополоха.

В какой-то момент ему так захотелось пить, что он не выдержал и попросил следователя дать ему воды, надеясь, что в его машине найдется дежурная бутылка.

– А что вы делали тут? – Следователь, протягивая ему бутылку и пластиковый стаканчик, уже в который раз спросил это. Павел знал эту странную черту многих людей, задавая вопрос, не дожидаясь ответа, типа спросил и хватит, затем еще и еще. Такое случается, если человек крепко о чем-то задумывается и становится рассеянным.

– Я же говорил вам: выбросил здесь мешок с кафелем, я мастер, ремонтирую квартиры. Поленился ехать на городскую свалку и решил оставить мешок здесь.

Он намеренно сказал про один мешок, мало ли, если он скажет, что мешков было пять, следователь отреагирует уже конкретно, после чего его оштрафуют.

Он понятия не имел о размерах штрафов, а потому, вдруг прикинув, что штрафы могут быть слишком большими, испугался, что ему придется отдать все, что он заработал за последнее время. Нет-нет, этого он не мог допустить, а потому решил поменять тему разговора, сбить следователя.

– Вам не показалось, что их занесло сюда из сороковых годов? Вы видели их одежду? Обувь?

И он начал делиться впечатлениями и мыслями с Ромихом. Но на озабоченного своими мыслями следователя его слова не произвели ровно никакого впечатления. Бросив через плечо: «Да сейчас все одеваются так, кто как хочет», он внимательно наблюдал за работой экспертов, до этого обследуя территорию метр за метром. Понятное дело, следователя интересовало одно: кто и зачем привез девушек на пустырь? Предположения впечатлительного свидетеля о том, что девушки могли быть занесены сюда фантастическим ветром прошлого, его мозг не воспринял вообще.

Он постоянно кому-то звонил, чаще всего, судя по разговору, судмедэксперту, потому что расспрашивал о том, что с девушками и в каком они состоянии, когда будет готов анализ крови, не изнасилованы ли они.

– Похоже, их просто чем-то накачали, – позже говорил он кому-то по телефону. – Следов инъекций нет, значит, напоили. Предположительно, снотворным. Но каким-то бронебойным, завтра все узнаем точно.

Павла отпустили поздно вечером, когда все его показания были записаны, запротоколированы. Ну прямо как в кино! И какое счастье, что девчонки оказались живы!

Примерно в полночь в ворота постучали. Ромих! Надо же, какой дотошный следователь! Приехал по указанному в протоколе адресу, чтобы проверить, действительно ли свидетель работал в этом доме. Напугал старика, с которым Павел прикончил бутылку самогона за рассказом о случившемся, но быстро и уехал.

– Да, парень, вот не послушал ты меня, – ворчал Александр Васильевич, открывая вторую бутылку после того, как за следователем была заперта калитка. – А если бы девчонки были мертвые, влип бы по полной, может, и загремел бы на нары.

– И не говорите... – Павел наложил себе в тарелку квашеной капусты и соленых огурцов. – Самому не по себе. Завтра заеду в больницу, проведаю их. Интересно же посмотреть, проснулись они или нет. Может, узнаю, кто они такие.

– Мой тебе совет – забудь про них. Живи себе дальше, и все. Ты понял, Паша?

– Да понял я, понял.

– Говорил же тебе, что там нечистая сила обитает. Неужели еще не понял, что все это опасно? К тому же не факт, что они до сих пор в больнице.

– Как это?

– А вот так. Придут к ним утром в палату, а там – никого. Вот так-то, – и старик поднял кверху указательный палец.

– В смысле? – Голова у Павла уже кружилась, его подташнивало.

– Может, они уже вернулись туда, откуда явились. Так понятно?

5

10 августа 2021 г

Утром, появившись на кухне, Борис застал такую картину. За столом, накрытым для завтрака, сидели Петр, Евгения и ее приятельница Антонина, женщина средних лет, румяная, аккуратно причесанная, в белом спортивном костюме.

– Присаживайся, Борис, я сырники приготовил, – со счастливым видом сказал Петр. – Женечка с утра съездила в город и привезла продукты. Кофе еще горячий. Кстати, познакомься, это Антонина, подруга Жени.

На этот раз голову Евгении украшала повязка бирюзового цвета, а платье, светло-голубое, с белым воротничком, делало ее похожей на барышню-крестьянку из мыльной оперы. Что творится в голове этой особы? Зачем дразнит всех нелепыми нарядами?

Петр, к счастью, сменил драгоценный велюровый халат на джинсы и белую рубашу, только фартук в цветочек, в котором готовил завтрак, снять не успел. Вот кто по-настоящему радовался жизни и кого ничто не раздражало!

– Так и будешь готовить завтраки, обеды и ужины? – Борис не смог промолчать.

– А что? Мне нравится! И вообще, Борис, у нас же гости. Не мог бы ты как-то полегче?.. – Петр сделал страшные глаза, как бы упрекая брата в грубости.

– Я в своем доме, а потому мне не стоит делать замечания. Что же касается нашей гостьи, то я ее не приглашал. Она сама явилась в три часа ночи и разбудила меня.

Антонина, опустив стаканчик с кофе на стол, даже открыла рот, не зная, как отреагировать на его слова.

– Тоня, я вам еще ночью сказал, что вы, похоже, крепко влипли в нехорошую историю. Очень хорошо, что вам хватило ума не двигаться с места и оставаться в нашем доме, потому что, если бы вы отправились туда самостоятельно, да еще и вызвали бы полицию, вас, вполне вероятно, арестовали бы по подозрению в убийстве.

– Матерь божья! – громко воскликнула Тоня и машинально перекрестилась. – Так что же мне делать?

– Я что-то пропустил? – спросил Петр.

– Антонина сдавала комнату двум особам, так на протяжении шестнадцати лет и каждый раз девятого августа, так?

– Так.

– Сколько же им лет, этим девушкам?

– Примерно двадцать пять, может, меньше.

– И что, они снимали у вас комнату, будучи детьми?

– Нет-нет, сначала они приезжали со взрослой женщиной, но тогда этим занимался мой муж, он их и встречал, и ключи передавал. А потом, когда он начал работать вахтовым методом и ездить в Сургут, это пришлось делать мне. Я только последние лет пять сдаю им комнату, словом, занимаюсь этим вопросом.

– Тоня, но почему ты ни разу не спросила, зачем они приезжают к тебе? И что это за число такое памятное для них – девятое августа? Да я бы ради любопытства все у них выспросила! – подала голос Евгения.

– Для начала надо бы выяснить, что случилось в их семье шестнадцать лет тому назад, – сказал Борис. – Выяснить, кто проживал в этой комнате до того, как вы выкупили ее.

– Да я и так знаю, я купила ее у одного парня, который купил ее у бывших хозяев. Но вот кто они такие – не знаю. Да и зачем мне было это узнавать? Я выкупила ее за смехотворные деньги.

– Постойте-постойте, вы, я вижу, все в теме, но расскажите же и мне тоже про этих девушек! – Петр выглядел обиженным.

– Петя, если в двух словах, то слушай... – Борис вкратце рассказал историю, которую услышал ночью от Антонины.

– Не знаю, как вам, а мне все это кажется безумно интересным! И если бы я писал детектив, то непременно...

– Кажется, ты взялся писать исторический роман! – раздраженно воскликнул Борис.

– А может, я еще не определился с жанром? Я – свободный человек и пишу то, что хочу! Конечно, я не собираюсь писать детективный роман, но мнение-то свое я высказать имею право?

– Валяй! – брякнул Борис.

– Меня больше всего заинтересовала кукла. Она же была третья за столом, так?

– Да, – ответила Тоня.

– А как выглядела кукла?

– Да обычная старая потрепанная кукла. Правда, довольно большая.

– Она была одета?

– Да, на ней было ситцевое платье. Волосы рыжие, взлохмаченные.

– То есть не пупс?

– Хочешь сказать... – собирался вставить Борис, но Петр жестом остановил его.

– Девятое августа – это день смерти близкого им человека, девочки. Возможно, их сестры, – сказал Петр. – И они снимали эту комнату, чтобы помянуть ее.

– Ну точно! – всплеснула руками Женья и даже встала из-за стола. – Конечно! Вполне вероятно, что эти девочки проживали в твоей комнате. Нужно просто навести справки, и все станет ясно!

– Борис, – Петр повернулся к нему. – А, Борис?

– Что вы хотите от меня? Я перебрался сюда подальше от всего этого... от криминала, от всех этих клиентов, которые считают, будто бы я волшебник и могу запросто отмазать их... Я устал. Петя, ты прекрасно знаешь, о чем я.

– Но тебя же никто и не нанимает в качестве адвоката. Ты же сам сказал, что у Тони, которая сдавала комнату девушкам, могут быть неприятности из-за того, что в ней кого-то замочили...

– Что-о-о-о! – Антонина вскочила и заметалась по кухне.

– Так вы же поэтому и приехали сюда ночью, разве не так? – спросил Петр. Выражение его лица изменилось, он уже не казался таким спокойным и счастливым. – Если там кровь и следы волочения, а девушек и след простыл, к тому же раньше они после своих поминок прибирались и оставляли ключи в условленном месте, значит, там точно кого-то прибили. Причем насмерть.

– Он правду говорит, – кивнул Борис. – Надо бы съездить туда и все хорошенько осмотреть. А если девушки вернулись, все помыли, и мы найдем ключ от комнаты и квартиры в условленном месте за трубой?

– Ох, это было бы настоящим счастьем! – вздохнула Антонина.

– Вы могли принять за кровь какой-нибудь кетчуп. Или же там было не так много крови, может, там вообще побывали чужие люди, бомжи какие-нибудь, которые подрались, разбили друг другу носы. А следы волочения вам тоже могли показаться таковыми, а на самом деле просто размазали обувью кровь. Ну что, Петя, съездим? Посмотрим?

– Конечно! Пойду переоденусь.

– Я тоже хочу, – сказала Евгения. – Можно? Тоня же поедет, это же ее комната...

– Тоня поедет, а вы – нет, – резко сказал Борис. – Вы ночью назвали нас с братом алкоголиками, хотя сами хлестали виски наравне с нами. И вы хотите после этого, чтобы я взял вас с собой? Да еще надели это дурацкое платье. Зачем? В нем что, очень удобно пылесосить или мыть полы?

– Так вы меня не увольняете? – почему-то вместо того, чтобы расстроиться, улыбнулась Женья.

– А разве вчера мы не договорились обо всем? Или же вы теперь каждое утро будете справляться о том, уволили мы вас или нет? И это вместо того, чтобы взять кулинарную книгу и попытаться приготовить сырники?! Я просто поражен!

– Я переоденусь! – просяла Женья, вскакивая из-за стола. – Вот только со стола уберу.

– Мой кофе не трогать, я еще его не допил, – буркнул, скрывая улыбку, Борис, испытывая удовольствие от того, что ему удалось при всех отчитать дерзкую домработницу, и обратился к брату: – Поедем на моей машине.

На самом деле он, удалившись от своих адвокатских дел, которые, по его мнению, вынули из него всю душу и привели его к профессиональному выгоранию, просто не знал, чем себя занять. История с девушками, которые девятого августа кого-то там поминают, показалась ему занимательной. К тому же он мог просто взять и помочь женщине избежать проблем, которых она явно не заслужила. Конечно, вряд ли это был кетчуп, а не кровь. Уж женщина сможет отличить кровь от соуса. И следы волочения отличаются от размазывания крови по полу. Судя по всему, действие разворачивалось в старейшем бараке, что сохранился еще с прошлого века и был построен для рабочих железной дороги. Он примерно представлял себе этот дом, полуразрушенный, похожий на кусок старого засохшего сыра, политого жиром и в черных точках плесени. И комнаты там – сплошное убожество и разруха, где стены с ободранными обоями, двери расшатанные, а крученые грубые старые провода с толстым слоем краски в любую секунду могут вызвать замыкание и пожар. И вот в такой барак, в одну из жутких комнат, где все смердит смертью и отчаянием, каждый год приезжают две девушки, привозят с собой куклу, которую сажают за стол, закуски, выпивку и даже скатерть!

Что же там произошло? Хорошо, что хотя бы фамилии и имена девушек Антонина знает: Супонины Екатерина и Вероника. Это уже кое-что.

Из всей компании по-настоящему переживала, конечно, Антонина. Она всю дорогу, как и ее подружка Евгения, молчала. Петр, как всегда расслабленный и довольный жизнью, наслаждался видом из окна – машина летела сначала вдоль соснового бора, затем по трассе. Погода была солнечная, теплая. Что ж, возможно, и ему, Борису, воспринимать все происходящее как приключение?

Соседка позвонила Антонине и сказала, что вечером из квартиры доносились шум и крики. Кто кричал? Вероятно, тот, чья кровь оказалась на полу. Может, сами сестры разругались в пух и прах и подрались? Но даже если это и так, разве они не понимали, что оставлять квартиру в том состоянии, в каком они оставили ее, опасно? Что хозяйка-то увидит, насторожится и вызовет полицию. Что их будут искать!

Вот он, дом. Примерно такой, каким и представлял его себе Борис.

– Ну и дом! – воскликнула Евгения, когда машина, миновав железнодорожный переезд, начала приближаться к жуткому протухшему барaku. – Да это же просто идеальное место для убийства!

– Женья! – одернула ее Антонина. – Мне и так страшно!

Вошли в подъезд, поднялись по деревянной лестнице на второй этаж. Петр зажал пальцами нос.

– Ну и вонища! – прогнусавил он. – Хоть всех святых выноси!

– Да здесь уже почти никто и не живет, – извиняющимся тоном ответила ему Тоня. Она поднималась первая, звеня ключами.

– Это ваши ключи?

– Да. Мои. Запасные ключи, те, которыми пользовались Супонины, я, заперев квартиру, положила вот сюда, за трубу.

И с этими словами, добравшись до места, Антонина извлекла ключи!

– Одно из двух, – сказал Борис. – Либо девчонки вернулись, чтобы прибраться, либо квартира так и стоит такая, какой вы ее и оставили, Тоня. Вот только напрасно вы, Тоня, взяли ключи в свои руки.

– Поняла...

– Ну, конечно! Там могут быть отпечатки пальцев. Ладно, давайте их сюда.

С этими словами Борис, надев тонкие прозрачные перчатки, которыми запасся перед поездкой, взял ключи и отпер ими дверь.

– Жуть! – закашлялся Петр, когда им в лицо ударил резкий запах хлорки.

– Вот! Говорю же, убрались! – Антонина рванула внутрь квартиры, понимая, что так здесь может пахнуть только после уборки.

Пробираясь через захламленный старыми вещами, какими-то тазами, коробками и велосипедами коридор, компания остановилась перед дверью в комнату, Борис толкнул дверь, она поддалась.

– Ну да, точно, комнату вымыли, – сказала Антонина. – Пол еще влажный. Все помыли, и посуду, и стол. Получается, что зря я вас побеспокоила. Скажете еще, что я все это придумала: и бардак этот страшный, и кровь на полу. Вот здесь рядом со столом была кровь, и оттуда как раз до двери тянулся след волочения...

– Всем стоять и не шевелиться! – Борис присел и начал изучать половые доски от порога и вдоль коридора. – А вот здесь никто не мыл. Хотя следы, вот они, видите? Засохли? Точно кого-то тащили. Может, одна сестра другую прибила...

– Боря, что ты девушек пугаешь? Они и без того зеленые от страха!

– Так что будем делать? Вызывать полицию или нет? – спросила осторожно Антонина.

– Мы сами себе полиция. Если здесь что-то и произошло, к примеру, убийство... Если, говорю, здесь прибили кого, то рано или поздно местные жители об этом узнают. Может, найдут труп бомжа какого-нибудь, который вломился к девчонкам ночью, напугал их до смерти, и они огрели его бутылкой по голове... Вот, кстати говоря, смотрите, стеклянная пыль... А вот и осколочек зеленый... Ну точно здесь что-то произошло. Тоня, позвоните им...

– Веронике?

– У вас же есть ее телефон.

– Конечно.

– Вперед! Сейчас позвоните, и сразу все выяснится.

– А раньше позвонить ей нельзя было? – сощурила глаза молчаливая до этого Евгения. – Что, никому в голову не пришло?

– Надо было сначала увидеть комнату, – ответил ей Борис, раздражаясь, как если бы его упрекнули в несообразительности.

– Ну так я звоню?

– Звоните-звоните, поговорите с ней так, как если бы ничего не случилось и вы не видели погром в комнате.

– Может, никому звонить не надо и просто запереть комнату и уйти, забыть про все? – тихо предложил Петр.

– Звоните, – твердо сказал Борис. И Антонина позвонила. Для удобства, чтобы все услышали ее разговор, она включила громкую связь.

– Вероника? – спросила она тишину и легкий треск в телефоне.

– Кто это? – раздался мужской голос.

Петр тяжело вздохнул и постучал себя костяшками пальцев по лбу, давая понять брату, что вот сейчас начнутся проблемы.

– Позовите, пожалуйста, Веронику, – нетвердым голосом попросила Тоня.

– Не бросайте трубку! – грубовато произнес все тот же мужской голос. – С вами говорит следователь Следственного комитета майор Ребров. Кто вы и кем приходитеесь для Вероники Супониной?

– Я?.. Ее знакомая... – растерялась Антонина и теперь во все глаза таращилась на Бориса. – С ней что-нибудь случилось? Почему трубку взяли вы?

Борис одобрительно кивнул и даже поднял большой палец правой руки.

– Вы должны подъехать в Следственный комитет, запоминайте адрес... Спросить Валерия Николаевича Реброва.

Лицо Антонины стало такого же белого цвета, как и ее спортивный костюм. Она часто заморгала, а кончик носа ее покраснел, она того и гляди готова была заплакать.

Борис сделал ей знак, чтобы она соглашалась.

– Ну вот и все! – гаркнул Петр, когда Тоня отключила телефон. – Вы, Тонечка, скажу я вам, крепко влипли! А я говорил, Боря, чтобы она не звонила! Чтобы мы просто взяли и ушли отсюда!

– А дельце-то становится все интереснее и интереснее! – Реакция Бориса на ситуацию в корне отличалась от реакции брата, он от удовольствия, что вся компания как бы влипла в криминальное болото, даже потирал руки.

– Борис, чему вы так радуетесь? – не выдержала Женя. – Если трубку взял мент... я хотела сказать, следователь, значит, с Вероникой что-то случилось! И, возможно, ее уже нет в живых...

– Говорю же, дельце интересное. Ну, что ж, друзья мои, предлагаю теперь вам всем вернуться домой и все хорошенько обсудить. Вы, Женя, закажите обед на четырех человек, а по дороге купим одноразовую посуду. Когда еще раскошелимся на дорогой фарфоровый сервиз!

– У вас нет сердца, вот что я вам скажу, понятно? – огрызнулась Женя. – А ты, Тоня, не переживай. Борис у нас крутой адвокат, он не даст тебя в обиду, ведь так?

– Золотые слова! – продолжал радоваться Борис, как если бы не разобрался в глубоком смысле слов своей домработницы, только что успокоившей приятельницу в том, что защита адвоката в его лице ей уже гарантирована.

– Может, я что-то не так поняла, – начала Антонина, не доверяя словам Жени по поводу адвоката, – но тут и козе ясно, что я оказалась втянута в нехорошую историю и меня, вполне вероятно, могут арестовать. Я на самом деле могу рассчитывать на вашу помощь, Борис, или... Просто я хотела бы прояснить сразу – денег на такого крутого адвоката, каким, по словам Жени, вы являетесь, у меня попросту нет.

– Успокойтесь, милая, никто вас не арестует, и если вы и будете проходить по этому делу, то исключительно как свидетель. Но полицию мы вызвать просто обязаны.

– Борис, поехали уже отсюда! – взмолился Петр, лицо которого было искажено словно от боли. – Если ничего не предпринимать и никого не вызывать, то никто никогда и не побеспокоит Тоню. И никто не узнает про эту комнату и то, что ее снимали девчонки.

– Ошибаетесь, Петр, – судорожно вздохнула Тоня. – Если с Вероникой или ее сестрой произошло что-то страшное, то первое, что сделает следователь, это ознакомится с историей ее звонков. А она звонила как раз мне. И меня найдут, полиция приедет ко мне домой, а у меня

семья, дети. Начнут расспрашивать, что меня связывает с девочками, и я вынуждена буду рассказать им о том, что сдавала им комнату. И вот тут посыпятся вопросы: зачем это двум современным девушкам снимать комнату в гнилом бараке? Что мне известно о них, о девочках? И когда я начну рассказывать всю правду о том, что они снимают комнату каждый год...

– Да, лучше уж самим вызвать и все честно рассказать, – сказал Борис. – А ты, Петя, не советуй того, в чем не разбираешься. Первое, что мне надо будет сделать, это попытаться найти хорошего следователя следственного отдела города Подольска через своих московских знакомых. Я работаю только таким образом.

Пусть это будет длинная цепочка из представителей Главного управления Следственного комитета, бодро размышлял он, заранее настроенный на благоприятный исход поисков, но зато он будет работать в паре с проверенным и честным человеком. Как он там представился? Ребров? Кто такой? Может, Подольск и вовсе можно оставить в покое и выйти сразу на этого Реброва, у которого сейчас находится телефон Вероники Супониной?

– Как зовут этого Реброва? Валерий Николаевич?

– Да, – убитым голосом подтвердила Женя. Никому же и в голову не пришло, что во всем, что сейчас случилось, косвенным образом виновата и она. Ведь это же к ней в три часа ночи прикатила Тоня со своей проблемой. Хотя если бы Борис не подслушивал (какой же он все-таки грубый и невоспитанный человек!), то они не стояли бы здесь сейчас четвером, всей компанией, гадая, что же произошло в комнате барака, кому принадлежит кровь на полу и, главное, почему телефон Вероники Супониной находится сейчас у какого-то там майора Реброва.

– Возвращаемся домой, завтракаем, потом каждый занимается своим делом. Вы, Тонечка, спокойно возвращайтесь к себе домой, вы, Евгения, заказывайте нам кашу в ресторане, раз уж не в состоянии приготовить элементарную овсянку...

– Боря, я сам сварю кашу и кофе, – отмахнулся от несуществующей проблемы Петр, радуясь уже тому обстоятельству, что они сейчас вернутся домой. И вдруг воскликнул: – Какой завтрак? Я же уже накормил вас сырниками!

– Пусть это будет второй завтрак, – невозмутимо отреагировал Борис, голова которого сейчас была заполнена новой для него информацией, которая захватила его целиком, да так крепко, что он напрочь забыл про то, что они уже завтракали. – Вы, Женя, уж будьте так добры, включите кофемашину и приготовьте нам кофе. А я после завтрака отправлюсь в Москву, разыщу Реброва, а там уж разберемся, что произошло с вашей Супониной. Кстати, а как сестры Супонины приезжали сюда? На такси?

– Нет, это раньше они ездили на такси, с той женщиной, может, матерью или родственницей, а последние годы приезжают на своей машине, у Вероники есть права. Машина, кажется, серебристый «Фольксваген», очень приличная, ухоженная.

– Отлично!

– А как вы сами добрались до нас ночью?

– На такси.

– Понятно. Ну и последний вопрос: кто такая Вика Фомина, соседка, которая позвонила вам и рассказала о шуме в вашей комнате?

6

11 августа 2021 г

Виктор Юрьев, скромный предприниматель, владелец нескольких скобяных лавок «Крепёж», ужинал вечером в кафе вместе с другом Георгием, с которым дружил со школьной скамьи и которому поверял все свои тайны. История его любви к молоденькой актрисе кино Лидии Фруминой не отпускала его вот уже два года, и все это время он держал в курсе своих сердечных дел Гошу. Будь Гоша семейным человеком, вряд ли Виктору удалось так часто заманивать его к себе домой или в кафе, чтобы в очередной раз под пиво или водочку излить другу душу. Но Георгий, к счастью, был холост, зарабатывал на жизнь, торгуя по интернету шоколадом и чаем. Его интернет-магазин был небольшим, но заработка вполне хватало и на жизнь, и на то, чтобы помогать родителям и сестре, матери-одиночке. Личная жизнь у Гоши не складывалась, он был слишком скромен, и на свиданиях (знакомился он в основном в интернете) он, зажатый и от того косноязычный, только и мог, что рекламировать свои конфеты и чай. Девушки тянули с него килограммами сладости, а потом бросали, считая его слабаком и рохлей. Он и рад был бы рассказать о каких-то своих неудачах и разочарованиях Виктору, но тот при встрече так долго и в подробностях описывал ему свои личные чувства и переживания, что времени на то, чтобы выслушать друга, у него просто не оставалось. Да и желания такого не было, ему и в голову не могло прийти, что и Гоша тоже может страдать, любить.

Заказав мясное рагу и пиво, друзья расположились за столиком возле витражного окна, и Виктор, выразив в который раз сожаление о том, что не может покурить, а на летней террасе расположиться не получится, потому что идет дождь, начал рассказывать о своей любви к актрисе.

– Отправил ей букет роз, розовых роз, шикарный букет, ну и вложил ей туда, понятное дело, открытку, мол, каждый день думаю только о вас...

– Куда отправил-то? Прямо домой?

– Нет. Это раньше я отправлял их по адресу, не зная, что в ее квартире временно проживает ее сестра, а сама Лидия находится на съемках в Подмосковье. Они в деревне сейчас как раз снимают какой-то сериал, и она там играет тоже, между прочим, актрису, в которую влюбился какой-то там энкавэдэшник. Ну, репрессии разные, аресты, все это на фоне красивой природы. Просто актриса эта живет типа на даче вместе с семьей, няней там... История о том, как этот влюбленный в нее энкавэдэшник постепенно своей любовью разрушает всю эту семью, как арестовывает всех подряд, как издевается над парнем, который любит героиню Лидии.

Там, в деревне этой, развернули целый киношный городок с декорациями, вагончиками. Да-да, и у Лидочки есть свой актерский вагон, красивый такой, с теплой водой, туалетом. Я провел там двое суток, снимал комнату у одной женщины в деревне, чтобы все выяснить, где ночует Лидия, чтобы видеть ее...

– А она знает о твоём существовании?

Принесли пиво, ледяное, в запотевших бокалах, Гоша принялся жадно пить.

– Конечно! Я ей не только букеты присылаю. То ягоды в корзинке оставляю возле вагончика, то закажу фрукты экзотические целую коробку. На прошлой неделе, когда похолодало, я набрался смелости и постучал вечером в вагончик. Видел, что там свет горит, силуэт ее за занавеской видел. Короче, она открыла, и я протянул ей пакет. А там – плед. Настоящий шерстяной плед из новозеландской шерсти. Красно-синий, в клетку, очень красивый и дорогущий.

– А она?

– Думаю, она была не одна...

И проронив это, Виктор даже зажмурился, понимая, что проговорился, что, озвучив чистую правду, которая доставляла ему нестерпимую боль, как бы увеличил ее и сделал свидетелем своих страданий теперь еще и Гошу.

– Понятно... Спасибо, – Георгий кивнул официантке, поставившей перед ними тарелки с дымящимся рагу. Официантка ушла, он добавил, глядя себе в тарелку: – Не обращай внимания. Это нормально, что она спит с продюсером. У нее работа такая.

– Да, тебе хорошо об этом говорить, это же со мной происходит, а не с тобой... – Виктор поджал губы, задумался.

– И что с пледом? Она вышла? Забрала?

– Да, представь себе, выглянула в халатике, увидела меня, сделала мне знак, чтобы я молчал, палец к губам поднесла, взяла пакет и сделала мне вот так рукой... – Юрий, подняв руку, игриво пошевелил пальцами и усмехнулся.

– А тебе не приходило в голову, что раз она взяла плед, подарок и не наорала на тебя, не пристыдила и все такое, не прогнала, то это хороший знак? Она же подала тебе надежду! – Гоша искренне так полагал. – К тому же она, как ты говоришь, была не одна. То есть она оставила своего любовника в постели, открыла тебе дверь, как бы рискуя. Она же догадывалась, кто постучал? Знала, ты сам рассказывал, что она перед тем, как открыть, выглядывает в окно. Увидела тебя и открыла. А ведь могла и не открывать, а продюсеру своему сказать, что это гримерша какая-нибудь пришла, мол, вечно беспокоит, деньги занимает или еще что-нибудь придумала бы.

– Ну да... Точно. Она видела меня.

– Да каждой женщине приятно, когда в нее влюблены, когда дарят подарки. Ладно бы ты был некрасивым или маленьким ростом, ну это я к примеру. А ты же красавчик. И высокий, и плечи какие! Да и подарки ты даришь ей не из дешевых. Она же чувствует твою заботу. Плед взяла. Наверняка сказала своему папику, что кто-то из своих принес, типа доставка или еще как-то... У них, у женщин, знаешь, какая фантазия!

– Я сейчас тебе одну вещь скажу... Короче, Гоша, уж не знаю, отчего так, но когда я представляю ее в постели хоть с кем, хоть с продюсером или просто с гориллой какой, то меня это заводит. Я словно понимаю, что она такая... такая, что ее ну все хотят и имеют... Уф... Понимаю, что это звучит ужасно, но я и раньше слышал, что многие мужики, чьи жены погуливают, не разводятся, потому что их это тоже заводит.

– Вранье! Я бы лично точно не завелся, если бы узнал, что моя жена гуляет. Я бы брезговал, вот так.

– А я... уже и не знаю... Но она же мне не жена. Она актриса, и к тому же очень красивая, думаю, может, у нее есть право иметь много мужчин? Или я совсем дурак...

– Нет, не дурак. Просто ты влюблен и готов оправдывать любой ее поступок, даже самый низкий. Кстати, ты никогда не говорил, как фамилия этого ее продюсера, я бы хоть поискал его в интернете, посмотрел бы на него, как он выглядит.

– Он старый, толстый и грубый. Ты знаешь его, это Семен Водкин. Но, может, это как раз то, что ей нравится?

– Старый не может нравиться. Ладно, теперь я тебе расскажу, как познакомился с одной девушкой. Она пианистка... Познакомился с ней в интернете. Знаешь, кем она оказалась на самом деле?

– Я не сказал тебе главного! – перебил Виктор, даже и не слыша друга. – Вчера она куда-то уезжала на своей машине. Продюсера этого в деревне не было, я не нашел его машину на обычном месте. И вот Лидия примерно в час ночи откуда-то вернулась на своем «Мерседесе». Оставила машину за вагончиком, некоторое время постояла у входа, выкурила подряд две сигареты и только после этого вошла к себе, заперлась. Я подошел к двери, хотел постучать, но подумал, что не стоит это делать. Она выглядела такой нервной.

– А ты-то чего делал там ночью?

– Караулил ее!

– А когда она уехала?

– Не видел. Меня хозяйка ухой кормила, потом сидели, разговаривали за жизнь. Выпили, конечно. Она знает про меня с Лидой. Говорит, что я должен ее добиваться. Что женщины любят сильных мужчин, способных на поступки.

– Поступки... Но какой поступок в отношении нее ты мог бы, к примеру, совершить? Ну не предложение же ей сделать?! Кто ты, а кто – продюсер? У того бабки, шикарные дома, новые фильмы, возможность сниматься. А у тебя что? Ей будет душно с тобой. Понимаешь? Ты уж извини, что я так открыто, прямо в лоб...

– Да я не обижаюсь, сам все понимаю. Но я должен ее затащить в постель, понимаешь?

– Это я как раз и понимаю.

Виктор подозвал официантку, заказал водки. Друзья выпили.

– В субботу снова поеду, постучусь к ней и скажу, что готов выполнить любую ее волю, желание.

– Глупо. Будь просто рядом и терпеливо жди, когда она сама тебя позовет. Понятное дело, что никаких особых поручений она тебе давать не будет, она же тебя совсем не знает, а когда ей надоест это толстое и старое тело любовника, может, просто позовет в вагончик. А ты уж будь готов...

– Дай пять! – Юрий с улыбкой протянул другу пятерню, чтобы тот отбил ее. Гоша отбил. – Ты красавчик!

– Я хотел рассказать...

– Ладно, Паша, мне пора. Завтра рано утром на работу, надо бы проверить магазин на Дмитровке, там недостача – охренеть какая! Нет-нет, убери свои деньги, я сегодня угощаю. Ты в прошлый раз платил.

И он подозвал официантку.

7

10 августа 2021 г

– И все-таки я на твоём месте поинтересовалась бы, зачем эти девушки...

– Женя, прошу тебя, хватит уже об этом. Все уже случилось. Конечно, Борис сильно напугал меня, решив, что меня арестуют или пусть даже и привлекут к делу, правда, еще не знаю, к какому, в качестве свидетельницы. Мне это вообще не нужно. Я так спокойно жила до того, как мне позвонила Вика. Теперь главное – дождаться возвращения Бориса из Москвы, послушаем, что он расскажет. Если с Вероникой что-то случилось, тогда и будем думать, как мне поступить. В любом случае у меня на тот вечер, когда все это произошло в квартире, есть алиби – я была дома с семьей. К тому же к нам тогда заглянула соседка, принесла банку с грибами. Она сможет подтвердить, что я была дома. Так что никакого ареста не будет. Я ни в чем не виновата. Да и в полиции можно не рассказывать о том, что эти Супонины снимали у меня комнату все эти годы в один и тот же день. Если только расскажу, вот тогда уж точно начнутся расспросы.

Подруги сидели на кухне и тихо разговаривали. Борис уехал в Москву, а Петр засел в своем кабинете за компьютером.

– Он что, действительно писатель?

– Понятия не имею. Да я вообще о них ничего толком не знаю. Мне главное – остаться здесь. Писатель... – Женя усмехнулась. – Когда я прибиралась у него утром в кабинете, то увидела лишь раскрытый ноутбук, а на нем пустая страница, на которой написано: «Петр Бронников. Роман».

– Но если его не было в кабинете и к ноутбуку долго не прикасались, то там должен быть черный экран, – заметила Тоня. – Полюбопытствовала?

– А как же!

– Сколько месяцев тебе еще нужно здесь продержаться, чтобы накопить нужную сумму на квартиру?

– Примерно полтора года. Не хочу влезать в ипотеку. Соберу необходимую сумму, и все – будет у меня свой собственный угол.

– Сестра поможет?

– Не уверена, что она сможет мне помочь, у нее свои расходы, планы, мечты. Они и без того мне здорово помогли, когда взяли к себе на работу. Деньги... Честно говоря, такой быстрый взлет Григория, такие деньжищи, что на него свалились, нас с ней насторожили. Согласись, что и этот дом был для них прекрасным, отличным, комфортным и удобным. Нет, захотелось переехать на Рублевку. Пусть. Это их дела. Но сама знаешь, чем выше поднимаешься, тем больше падать.

– А тебя почему не взяли с собой?

– Сначала они придумали, что переедут в Испанию, много разговоров было на эту тему, ну я тогда и сказала сразу, что не поеду. А потом вдруг они переменили решение... Знаешь, у меня вообще создалось такое впечатление, будто бы они хотели от меня избавиться. Все-таки я родственница, многое про них знаю. Возможно, им захотелось взять в домработницы кого-то чужого, нейтрального, понимаешь? Там же, на этой Рублевке, появятся новые знакомства, связи, и им будет проще без меня. К тому же у меня характер – не сахар. Могу что-нибудь ляпнуть. Да и мне с чужими людьми работать удобнее. Не будет чувства, похожего на унижение. Думаю, ты понимаешь меня.

– Да, ты права. Работать в доме, который ты знаешь как свои пять пальцев, удобно. И с чужими людьми тоже проще будет. Но, зная тебя, могу предостеречь – не лезь на рожон. Не показывай сразу свой характер.

– Хочешь сказать, что я должна прогибаться?

– Ну вот, снова ты начинаешь! Ничего такого я сказать не хотела. Просто будь с ними помягче, не огрызайся хотя бы.

– Мне бы недельку здесь поработать, чтобы понять, оставят они меня здесь или нет. С Мартой было проще, она сама готовила и вообще любит это дело. Конечно, я помогала ей, картошку чистила, лук, морковь. Могла фарш накрутить. Но готовила все равно она. Если же они бывали заняты, то спасал ресторан. Ладно, посмотрим, как все сложится. Ты куда?

– Думаю, мне пора уже домой. Сашка волнуется, я же рассказала ему, что произошло. Не хватало еще, чтобы он сюда приехал.

– А я бы на твоём месте все-таки дождалась возвращения Бориса.

– Может, приготовим какой-нибудь суп? Заодно покажу тебе, как это делается. Где у вас картошка? Горох?

8

10 августа 2021 г

По дороге в Москву Борис еще раз позвонил по номеру Вероники. И когда услышал женский голос, от сердца сразу отлегло – может, это она?

– Кто это?

– Вероника Супонина?

– Да, это я... – Голос девушки показался ему взволнованным. – А вы кто?

– Я адвокат. Мне поручено разыскать вас, поскольку я занимаюсь наследством вашего родственника, Супонина Вадима Андреевича. Ваше имя указано в завещании. Мне с трудом удалось найти номер вашего телефона. У вас есть сестра, Екатерина Супонина?

– А она здесь при чем?

– Да ни при чем. Просто я должен был убедиться, что разговариваю именно с наследницей.

– А... Понятно. И кто же это такой, Вадим...

– ...Андреевич...

– ...Супонин?

– Знаете, это не телефонный разговор. Я бы хотел с вами встретиться.

– Да вы хотя бы скажите, что это за наследство! Большое? – В ее голосе просквозило недоверие.

– Немалое, я бы так сказал. Но, повторяю, это не телефонный разговор.

– Ладно... Вы в Москве?

– Да.

– А я на съемках. Это в районе Переделкино, в Мичуринце.

– Вы актриса?

– Ну... не совсем, конечно. Пока что снимаюсь в массовке. Вы можете приехать сюда?

Я бы прислала вам геолокацию.

– Хорошо.

– Когда приедете?

– Думаю, часа через два, не раньше.

– Хорошо. Договорились.

Он часто прибегал к подобному способу добиться встречи с нужным человеком. Тема наследства, звучащая из уст адвоката, производила неизгладимое впечатление, и люди, даже имевшие горький опыт с подобными «письмами счастья», пришедшими им по электронной почте, все равно покупались и с легкостью соглашались на встречу. Безработные афроамериканцы, рассылающие по всему миру письма об умершем дядюшке-миллионере, мгновенно забывались, и среднестатистический россиянин, услышав в телефоне живой голос русского адвоката, замирал, рисуя в воображении пачки денег, особняки, увитые розами, и шикарные иномарки. То же самое сейчас происходило, вероятнее всего, и с Вероникой Супониной. Сейчас она поделится информацией со своей сестрой, и фантазия у девушек заработает.

Спустя десять минут он позвонил еще раз по этому же номеру:

– Это Борис Бронников, адвокат. Я только что звонил вам.

– Да-да! – Голос Вероники звучал уже гораздо доброжелательнее и веселее. – Что-нибудь еще? Или же... вы ошиблись?

– Нет-нет, все в порядке. Просто мне нужно знать точно, что это вы. Не так давно я уже набирал этот номер, и мне ответил мужской голос, мужчина представился Валерием Николаевичем Ребровым. Майором Ребровым.

Девушка в телефоне рассмеялась:

– Да, это мой парень. Он следователь, Ребров. Просто он ужасно ревнивый, когда я не могу взять трубку, то сам берет, пугает людей... Но это точно я, можете не переживать.

– Он реальный следователь?

– Ну да, работает в Следственном комитете.

– Но почему он тогда сказал, что я должен приехать к нему на Новокузнецкую? – продолжал напускать туману Борис, помня, как этот самый Ребров напугал Антонину, приказав ей явиться в отдел.

– Да? Не понимаю... Я ему сейчас позвоню, объясню, кто вы... Вообще-то он парень серьезный, может, конечно, разыграть, но не чужих же людей...

– Как вам будет угодно. Это ваше право, звонить ему или нет. Знаете, что я подумал, Вероника? Если вы сейчас так уж заняты, может, перенесем нашу встречу? Все-таки разговор будет серьезным и конфиденциальным. Мы сможем с вами найти тихое место, чтобы нас никто не услышал?

– Не знаю... Думаю, что сможем. Мы сегодня снимаем сцены на даче, а там полно комнат... Правда, там люди постоянно что-то носят, какие-то лампы, пледы... Но вы все равно приезжайте! Кстати, если вы не уверены, что я – это я, то я могу прислать вам сейчас фото своего паспорта.

– Было бы просто прекрасно!

– Ну все, тогда ловите!

– Договорились.

– Так вы приедете?

– Конечно!

Все было странным в этом разговоре. Особенно то, что касалось майора Реброва. Пусть он приятель Вероники, пусть ревнует ее по всякому поводу и отвечает вместо нее на звонки, но зачем ему понадобилось приглашать в отдел на Новокузнецкую незнакомую ему женщину? И что вообще происходит с этими сестрами? Загадка на загадке!

И он, не уверенный в том, что застанет майора на месте, отправился в Следственный отдел. Представился дежурному, узнал, где находится кабинет следователя, поднялся, постучал в дверь.

Валерий Николаевич Ребров, высокий красивый парень лет тридцати, с копной каштановых волос и большими карими глазами, увидев Бориса, удивленно вскинул брови.

– Борис Михайлович?! Какими судьбами?

И тут Борис вспомнил его. Ребров! Ну, конечно! Он защищал его отца, Николая Реброва, примерно лет десять тому назад, когда того обвинили в нанесении тяжких телесных повреждений. Николай Васильевич Ребров, на которого напали как-то вечером, когда тот возвращался от друзей, где играл в субботний преферанс, так двинул одному нападавшему отморозку, что разбил ему все лицо... Борису удалось его защитить, Реброва отпустили в зале суда. Он даже вспомнил его, высокого крепкого мужчину с такими же вот каштановыми волосами и темными глазами, как у его отца.

– Приветствую! – Борис пожал Валерию протянутую руку. – Как поживает Николай Васильевич?

– Слава богу, все хорошо. Вы ко мне?

– Да, Валера. Разговор есть.

– Присаживайтесь! Хотите кофе?

– Нет-нет. Вообще-то я представляю интерес Антонины Сергеевны Богатыревой.

Ребров поскреб указательным пальцем гладко выбритую щеку, вероятно, пытаясь вспомнить, о ком идет речь.

– Валера, ты сегодня утром ответил с телефона Вероники Супониной...

– А! – Ребров хлопнул себя пальцами по лбу. – Все понял. Да-да, я на самом деле взял телефон Вероники, пока она была в душе... Понимаю, что поступил не очень-то красиво, но она постоянно влипает в какие-то истории. Сколько раз я ей говорил, чтобы она не брала телефон, когда звонят с чужого номера, и все такое... Но на этот раз все было по-другому. Я приревновал ее. Проследил, куда она отправилась на своей машине, обманув меня... Оказалось, что в Подольск! Да-да, может, это и нехорошо вот так следить за своей девушкой, но ничего не могу с собой поделать. Так вот, она зачем-то отправилась, повторяю, в Подольск, а в ее телефоне я нашел неизвестный мне номер, принадлежащий какой-то Антонине. Имя редкое, в моем окружении Антонин нет, когда я спросил ее, кто это такая, потому что подумал, что таким образом она замаскировала мужское имя «Антон», она сказала, что это ее портниха. А я вижу, когда она врет, а врет она часто. По пустякам врет. Как и сестра ее. Короче, я собрался было уже поехать туда, но у меня здесь появились неотложные дела... Я закружился. И тут вдруг сегодня утром этот звонок от Антонины. Ну я и решил выяснить, реальная ли это женщина или же звонил кто-то по просьбе Антона...

– Ты своей ревностью можешь убить любовь. – Слова сами вырвались у Бориса. – У тебя с ней серьезные отношения?

– Да, я люблю ее. Но иногда мне кажется, что это словно болезнь какая-то. То есть я сердцем ее люблю, но рассудком понимаю, что с этой девушкой мне будет очень трудно.

– Ты когда видел ее последний раз?

– Так сегодня утром и видел.

– Ты в курсе, что она снимается в кино? Где сейчас находится? Не мое это, конечно, дело, но я хочу тебя предостеречь, предупредить...

– Вы что-нибудь о ней знаете?

И Борис, понимая, что вмешивается не в свое дело, но действуя исключительно в интересах и Валеры, и Антонины, рассказал о том, что случилось в комнате подольского барака.

Рассказ произвел на Реброва такое сильное впечатление, что он какое-то время сидел молча, постукивая ручкой по столешнице, вероятно, пытаясь все это осознать.

– Что ты вообще о них знаешь? Об их семье?

– Я догадывался, что они из неблагополучной семьи. По каким-то разговорам, деталям... Они давно осиротели, и их взяла на воспитание тетка, Александра Васильевна Паравина. Это я точно знаю, потому что квартира тетки досталась сестрам по наследству, я видел документы. Они сейчас там и проживают. И машина тоже осталась, Вероника выучилась, сдала на права и довольно сносно ее водит. Катю вообще нельзя подпускать к машине, я как-то попытался ее поучить – бесполезно, она боится ее. Есть такие люди, которым вообще нельзя садиться за руль. Судя по тому, что вы мне рассказали, какие-то семейные тайны связаны с Подольском и, возможно, с тем самым баракком. Так?

– Думаю, да. Еще я предположил, что у них была сестра. – Борис высказал ему свои предположения относительно девятого августа и тех скромных застолий, похожих на поминки. Не забыл упомянуть и куклу.

– Но почему же они мне-то ничего никогда не рассказывали? Даже если предположить, что у них была сестра, то зачем из этого делать тайну?

– Там что-то случилось... Вспомни, как они выглядели? Может, кто-то из них был ранен, может, синяки там, ссадины...

– Я приехал к ним вчера очень поздно. Катя уже спала. Вероника погрела мне ужин, и мы легли спать. Я довольно часто ночую у них. Нет, никаких синяков я не заметил. Но Вероника на самом деле выглядела озабоченной, я даже спросил ее, не случилось ли чего. Она покачала головой, сказала, что просто устала и у нее болит голова. Я хотел ее расспросить про Подольск, я же видел, что ее машина была там, но подумал, что перенесу этот разговор на потом. Меня успокаивала мысль, что она снимается в кино и что съемочная группа могла просто переехать в Подольск. Вот почему я сдержался вчера и не стал спрашивать.

– А зачем они вообще снимаются? Что это, хобби у них такое?

– Хороший вопрос. Хотят, чтобы их заметили на площадке, чтобы пригласили хотя бы на второстепенную роль. А пока что они заняты только в массовке.

– А где они работают?

– Кассирши в супермаркете на Покровской.

– И где сейчас Вероника?

– Они обе сейчас в Переделкино, там снимают сериал про послевоенное время. Кстати говоря, одну из главных ролей там играет Лидия Фрумина, может, слышали?

– Конечно, слышал. Валерий, если не хочешь, чтобы твоя девушка попала в криминальную историю, предлагаю тебе поехать со мной в Подольск и увидеть все своими глазами. И комнату эту, и следы крови... У тебя есть ультрафиолетовый фонарик?

– Нет, но я знаю, у кого здесь можно одолжить... – вздохнул Валерий. – Ну и задачку вы мне задали.

– А потом, после Подольска, если ты не против, мы вместе отправимся в Переделкино, я договорился о встрече с Вероникой. Правда, мне пришлось придумать довольно интересную причину для своего визита... Я расскажу тебе по дороге.

9

11 августа 2021 г

«Приставание (харассмент, *англ.* Harassment) – поведение человека, причиняющее неудобство или даже вред другому человеку, нарушающее неприкосновенность его частной жизни».

Какое неправильное толкование этого слова!

Лидия Фрумина была возмущена этим определением. Вот если бы ее спросили, что такое в ее случае этот самый харассмент, уж она бы ответила, расписала бы все в красках и ощущениях. Это когда к тебе в вагончик входит на правах хозяина, господина, здоровенный и потный мужик, заваливает тебя на кровать, а то и берет прямо на столе, животное, впихивает в тебя чуть ли не себя целиком, сопит, бормоча какие-то дурацкие слова, вбивая в твой мозг, что ты без него никто, что если бы не он, то мыла бы ты полы в поликлинике (почему полы и именно в поликлинике, она так и не поняла). Ощущение того, что тебя окунули в зловонную яму, никогда не проходит. Ведь идут съемки, и он, эта жирная свинья, постоянно рядом. И как настроиться, как сыграть чистую и порядочную девушку, преследуемую энкавэдэшником, когда ты сама по уши в грязи?

Все эти шоу о харассменте – пустой звук. Ничего в обществе не поменяется, и как насиловали мужики зависящих от них женщин, так и будут продолжать насиловать.

Презирала ли она себя за то, что не отказала ему в первый раз? Презирала, и это свое презрение выплескивала на всех окружающих, превращая его в гнев, раздражительность и злость. Ненавидя себя за свою слабость и желание утвердиться в этом мире, став известной актрисой, она ненавидела уже всех подряд. Да, конечно, пока она молода и красива, все так и будет продолжаться, и ее карьера, вполне вероятно, сложится удачно, и этот свин будет продолжать продвигать ее, снимая в своих картинах. Но он стар, может умереть, и что с ней будет тогда? Ведь все знают о том, каким образом она добивается своих ролей. И все ее презирают. Но разве она у него одна такая? Понятное дело, что ни о какой верности тут и говорить не приходится. Он, Семен Янович Водкин, будет пользоваться любой, кто ему понравится. А если он остынет к ней и переключит внимание на кого-то другого? Вот если бы он женился на ней, тогда общественное мнение как-то переменялось бы, и ее начали бы уже воспринимать как жену известного продюсера, ее положение в обществе стало бы статусным, более крепким. Но как это сделать, когда он уже женат, когда у него, если верить средствам массовой информации, крепкая семья, чудесная жена, дети и куча внуков? Как раскатать и развалить всю эту семейную постройку и привязать его к себе? Вот если бы он не был женат или у него не было бы детей, может, она и родила бы ему наследника. Но у него все есть. Он всего достиг. У него было положение, вес в обществе, деньги, связи, семья. А еще – власть, которой он и пользуется, вламываясь в ее вагончик в любое время дня или ночи.

...Она попросила знакомого установить в вагончике видеокамеры после того, как у нее пропали сережки с бриллиантами. Знать об этом, конечно же, никто не должен был. Но очень уж хотелось выяснить, кто мог их украсть, кто заходит в вагончик в ее отсутствие. Сережки она, к счастью, нашла в кармане куртки, но камеры-то остались, и тогда она вдруг поняла, каким козырем владеет! Теперь все визиты Семена Яновича записывались, складываясь в грязновато-пошлый сериальчик, который можно будет в случае необходимости продать. Да, конечно, выставлять себя в таком виде – позор. Но она его как-нибудь переживет. Она уже насмотрелась разных историй, когда интернет видеомерзостью пытался убить наповал какую-нибудь извест-

ную личность, но проходило время, и люди забывали стыд и унижение звезды, потому что на небосклоне появлялись другие скандалы и драмы, а звезда продолжала себе жить и работать, как если бы ничего и не было. Но вот с Водкиным этот случай не прошел бы так безболезненно именно по той причине, что у него семья и репутация. И продав куски видео на какой-нибудь канал за большие деньги и даже согласившись на участие в программе о харассменте, она раздавит эту жирную гадину, как клопа! Вот поэтому камеры и продолжали работать, снимая мегабайты компромата. Любопытства ради или по настроению, а иногда просто, чтобы проверить, что камеры работают исправно, Лида пересматривала отснятый материал. Да, это был ее собственный личный сериал, где она была и продюсером, и оператором, и снималась в главной роли. И не дай бог Водкину только обидеть ее, оскорбить, унижить или же вообще бросить, эта бомба рванет так, что мама не горюй!

Но сегодняшняя «серия» ее по-настоящему выбесила! Две молоденькие сучки, появившиеся на видео, проникли в вагончик, вломились туда, как к себе домой, и принялись копаться в ее вещах, примеряя их и комментируя самым паскудным образом. Обзывали ее последними словами, проехали по ее пошлой связи с Водкиным, побрызгались ее духами, намазались ее дорожными кремами, причем всеми подряд, покрасили мерзкие губы ее помадой, а напоследок, хохоча и кривляясь, начали припоминать те случаи, когда и их, этих гадин, Водкин одаривал вниманием. Что он и их тоже может продвинуть, если они уступят ему, жирному и противному... Что одну он зажал на террасе дачи, где готовилась съемка, что другой шепнул на ушко, какой у нее шикарный зад... А потом они шептались, хохоча, и за этим хохотом могла скрываться унижительная для Лиды правда. Неужели Водкин на самом деле спал с ними?

Она была вне себя от злости! Да как они посмели вообще забраться в ее вагончик?! Кто их пустил? Хотя разве вагончик охранялся? Да любой, если разобратся, мог залезть сюда и напакостить. И ведь все это они сделали из зависти. Какие гнусные и отвратительные девки! А ведь она считала их талантливыми, фотогеничными и даже сказала одной, кажется, ее звали Вероника, что если ей поступить во ВГИК, то она могла бы стать настоящей актрисой. И ведь она сказала ей это вполне искренне и даже поделилась этим со своей подружкой, Валентиной Пушиной, тоже актрисой, но играющей второстепенную роль. В моменты, когда съемочный день проходил удачно, когда все записывалось без повторов и режиссер был доволен, Лиде самой хотелось сделать что-то хорошее, как-то приободрить всех вокруг, осчастливить комплиментами, мол, как хорошо ты сегодня играла или играл. Это бывало редко, но все равно ее же никто не заставлял делать добро. Да и в душе она была человеком добрым и отзывчивым. Скольким она одалживала деньги, помогала какими-то своими связями, добивалась того, чтобы кого-то, кому она симпатизировала, пригласили на участие в съемках или даже дали роль! И что же она получила сегодня в благодарность? Ненависть! Жгучую ненависть тех, кому она собиралась помогать и в дальнейшем! И где справедливость?

Она заплакала. От обиды и бессилия. А если все вокруг считают ее «бездарной подстилкой продюсера»? Бр-р-р...

И как теперь поступить? Сделать вид, что она ничего не видела и не знает про сестер Супониных? Продолжать работать с ними бок о бок? А они, не зная того, что она в курсе их пребывания в вагончике, будут по-прежнему улыбаться ей, заглядывать в глаза в надежде, что она заметит их в очередной раз и похвалит, пообещает содействие в участии следующего сериала?

Лида вышла из вагончика как раз в тот момент, когда над площадкой прозвучало: «Обед!» Это означало, что приехали ребята с обедом, классные такие парни, которые организовали кейтеринг и теперь кормили всю съемочную группу свежей и вкусной едой.

Она, готовая расплакаться в любую минуту, вяло поплелась к навесу под березами, под которым раскинулся длинный стол, сколоченный из досок и покрытый пестрой клеенкой. Контейнеры с едой были уже выложены аккуратными рядами, и участники всей съемочной

группы стягивались к навесу. Лида всегда обедала вместе со всеми. Исключение составлял завтрак, который ей собственноручно приносил в вагончик ассистент режиссера, Ваня Кравчук, да ужин, который она обычно делила вместе с Водкиным. У Лиды был хороший аппетит, она вообще любила покушать и так же, как и все, радовалась, когда привозили еду и можно было передохнуть. Но сейчас, увидев, как жадно вскрывают контейнеры и набрасываются на еду Вероника с Катей, как эмоционально разговаривают между собой и остальными членами массовки и актерами, как свободно и непринужденно общаются, считая себя равноправными участниками кинопроцесса, аппетит пропал.

Обе вели себя развязно. Вот оно, правильное определение. Наглые и разухабистые девки, жуют, чавкая, противно смотреть. Размазать бы им по ромам этот салат, пусть умываются помидорами с укропом... Да еще в костюмах остались, в которых снимались, даже не переоделись!

Она целый день сдерживалась, чтобы не наброситься на сестер и не выцарапать им глаза. Однако вечер прошел на удивление более-менее спокойно и даже приятно – ей снова доставили цветы, она уже знала, от кого. Симпатичный молодой парень время от времени крутился возле вагончика, оказывая ей знаки внимания. Цветы, подарки, плед подарил недавно. Но главное – Водкин не пришел, уехал в Москву на день рождения к внучке. Вот это был настоящий подарок в такой трудный день!

В корзине с розами она нашла открытку. *«Я снова думаю о вас. Виктор. Позвоните, если будет скучно: 8916...»*

И она позвонила. Не потому, что было скучно. Это было другое, скорее одиночество и чувство незащищенности. В какой-то момент она поняла, что никого, кроме ее сестры, с которой они были как одно целое, у нее нет. Но сестра далеко, к тому же она никогда не поддерживала решение Лиды стать профессиональной актрисой. Поэтому и жаловаться сестре на свою жизнь, на то, что вынуждена спать с Водкиным, а теперь еще и терпеть рядом с собой настоящих врагинь, не было смысла. Она и без того знала, что ей скажут: бросай ты свое кино и живи, как нормальный человек. А потому она должна была разруливать ситуацию сама. Но для начала ей хотелось почувствовать рядом с собой человека, который ее по-настоящему любит. Вот Виктор. Да он просто голову потерял от любви к ней. Снял жилье где-то неподалеку или вообще спит в своей машине, лишь бы быть рядом с ней, видеть ее. Ловит каждый ее взгляд. Глаз не спускает с ее вагончика. И ведь знает, видел не один раз, как к ней приходил Водкин. Не мальчик, все понимает. Но не уходит же! Терпит. Ждет своего часа.

Она решила сделать себе подарок, потому и позвонила.

Была ночь, все спали, кто-то в трейлерах или в доме, а массовка в больших палатках.

Виктор не отвечал. Тоже спал, наверное. Тогда она позвонила еще раз – то же самое. И когда она решила позвонить в третий раз, то вдруг обнаружила, что перепутала одну цифру в номере его телефона. Что ж, не судьба, решила Лида. Значит, не сегодня.

Заварив себе чаю с ромашкой, она легла спать и быстро заснула.

Утром ей принесли завтрак, она съела кашу, выпила кофе, и начался очередной съемочный день. Водкин, как она позже узнала, не появится еще два дня. Что ж, прекрасно!

Целый день она вынашивала план действий. Когда наступил вечер и она поняла, что затеяла, ей стало страшно. И только после того, как она еще пару раз просмотрела убийственный сюжет с сестрами Супонинными и укрепилась в своем решении, поняла, что действовать надо безотлагательно, иначе она перестанет уважать саму себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.